

ИСТОРИЯ

УДК 327.2

Е.Г. Гарбузарова

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Представлен анализ внешнеполитической деятельности США в Центральной Азии в президентство Д. Трампа. На основе экспертных оценок и анализа действий США определены механизмы внешней политики Вашингтона в регионе и расставлены акценты на ключевых направлениях сотрудничества. Сделан вывод, что фокус внимания американской администрации сместился от вопросов демократии и прав человека в сторону более тесной экономической кооперации и обеспечения региональной безопасности.

Ключевые слова: центральноазиатские государства; США; Д. Трамп; Афганистан; формат «C5+1»; ТАПИ; CASA-1000; региональное сотрудничество.

Центральная Азия занимает особое положение во внешнеполитической стратегии США. Интерес США к региону обусловлен его стратегическим положением, наличием ресурсного потенциала, возможностью использовать регион в качестве плацдарма для более решительных действий в отношении России и Китая. По мнению американского эксперта А. Козна, «один из главных интересов американцев и их союзников – обеспечить распространение идеологии и ценностей Запада в противовес исламскому радикализму или доминированию авторитарных рынков таких стран, как Россия и Китай» [1. С. 24].

После распада СССР центральная Азия сразу же оказалась под пристальным вниманием США, которые год за годом усиливали свое присутствие в регионе. В августе 1992 г. американский Конгресс принял «Закон о поддержке свободы», предусматривающий помощь центральноазиатским государствам в создании либерально-демократической модели развития. В 1999 г. закон был дополнен «Стратегией Шелкового пути». Эти законодательные акты подтверждали стратегическую значимость Центральной Азии для США с учетом активности в регионе двух главных американских геополитических соперников – России и Китая.

С 2001 по 2014 г. США вели активную борьбу с террористической угрозой в регионе при помощи своих военных и коалиционных сил НАТО. Центральноазиатские государства оказывали поддержку США в стабилизации обстановки в регионе, предоставляя свои территории для переброски военных и транзита грузов в Афганистан. Вскоре американскими экспертами была разработана концепция «Большая Центральная Азия», целью которой являлось привлечение государств Центральной Азии к решению проблем Афганистана. США надеялись, что интеграция в центральноазиатское региональное сотрудничество позволит Афганистану совершить революционные преобразования в его политической и социально-экономической сферах. Параллельно с этим процессом США стремились упрочить свои геополитические позиции в регионе. Однако, как показало время, американская концепция по интеграции Афганистана с государствами Центральной Азии не увенчалась успехом в силу значительных экономических, соци-

альных и культурных различий между интегрируемыми сторонами. Накануне вывода американской военной коалиции из Афганистана в декабре 2012 г. США обнародовали новую стратегию в отношении региона – «Новый Шелковый путь». Наличие у американской администрации серьезных намерений в отношении региона показало заявление государственного секретаря США Х. Клинтон, которая отметила, что США не допустят восстановление СССР в той или иной форме и предпримут для этого соответствующие меры. Такое беспокойство зародилось у американской администрации на фоне набирающего силу евразийского интеграционного проекта.

В последние годы для США была более содержательной и выгодной идея привязки центральноазиатских государств к Афганистану посредством инициирования различных экономических проектов. На фоне усиления влияния Китая и России в регионе США активизировали усилия по расширению сотрудничества с центральноазиатскими государствами. С приходом к власти в США Д. Трампа центральноазиатская политика Вашингтона фокусируется преимущественно на вопросах безопасности и экономики. Эти два направления сотрудничества составляют основу трех «столпов» внешнеполитических интересов США в Центральной Азии, включая помощь республикам в области укрепления механизмов государственного управления. Так, в сфере безопасности речь идет о помощи в создании действенных силовых структур и крепких границ, в экономике – поддержка процесса проведения внутренних реформ и более эффективного развития отношений с соседями и внешним миром, в области государственного управления – ориентация на создание демократического правительства и защита прав человека [2. С. 77].

На первых порах в экспертном сообществе считалось, что внешняя политика Д. Трампа будет изоляционистской, так как в заявлениях американского президента был сделан акцент на невмешательстве США в дела других государств. Американский эксперт Р. Вайс отмечал, что у Д. Трампа отсутствует значительный интерес к безопасности Средней Азии и Афганистана [3]. По мнению американского профессора политологии Б. Позена, было бы неуместным считать внешнюю политику Д. Трампа изоляционист-

ской, особенно «на фоне все более громких призывов к войне с Северной Кореей, обостряющейся конфронтации с Ираном и растущего числа боевых операций во всем мире» [4. С. 86]. Позен считает, что государственная стратегия США при Д. Трампе трансформировалась из «либеральной гегемонии» в «нелиберальную гегемонию». «Либеральная гегемония» США основывалась на стремлении стать могущественным государством в мире, в котором активно действуют многосторонние организации и развивается рыночная демократия. В своей новой национальной стратегии Д. Трамп «по-прежнему стремится сохранить экономическое и военное превосходство Соединенных Штатов, а также их роль арбитра в сфере безопасности для большинства регионов мира, однако предпочел отказаться от экспорта демократии и воздержаться от заключения многосторонних торговых соглашений» [4. С. 186]. По мнению американского исследователя Т. Райта, Д. Трамп «питает слабость» к авторитарным режимам [5], какими по своему характеру и являются политические режимы государств Центральной Азии. Следовательно, США при Д. Трампе продолжают отстаивать свои геополитические интересы в Центральной Азии, активно действуя в условиях жесткой конкуренции со стороны китайского и российского экономических проектов в регионе.

Стоит заметить, что внешняя политика США в президентство Д. Трампа отличается своей непредсказуемостью и непоследовательностью. По мнению профессора международных отношений Принстонского университета К. Яри-Мило, внешнеполитический авторитет США был подорван в последние годы правления президента Б. Обамы [6. Р. 68–77]. Внешняя политика США и глобальная мощь этой державы, по мнению К. Яри-Мило, должны основываться на предсказуемости, ясности и последовательности. Недостаток именно этих качеств наблюдается во внешней политике США в период президентства Д. Трампа. Свой воинственный подход во внешней политике Д. Трамп продемонстрировал военными ударами в Сирии, возвращением американских солдат в Афганистан, жестким давлением на Северную Корею. Однако подобные подходы к решению конфликтов не разделяют большинство участников международного сообщества. Государства Центральной Азии, лидеры которых отстаивают принципы миролюбивой внешней политики, признают необходимость поиска политического, а не военного решения международных и региональных конфликтов. Например, краеугольным камнем внешнеполитической деятельности Казахстана является участие в миротворческих процессах. Президент Казахстана Н. Назарбаев отмечал, что необходимы «решительные действия для преодоления непредсказуемости, критически расшатавшей сегодня международный статус-кво» [7]. Следовательно, разные подходы к решению ключевых мировых и региональных конфликтов поляризуют США и государства Центральной Азии. Однако есть общие региональные проблемы, связанные преимущественно с внутривнутриполитической ситуацией в Афганистане, решение которых требует активного участия как США, так и центральноазиатских республик.

В августе 2017 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую стратегию США по Афганистану, предусматривающую увеличение американского контингента и расширение помощи официальным властям в Кабуле. Президент США подчеркнул, что «американские военные остаются в Афганистане на неопределенный срок, и Вашингтон более не намерен сообщать о том, какой численностью войск там располагает» [8]. С этого момента можно было предположить, что у США появилась долгосрочная стратегия присутствия в регионе и заинтересованность в более активном военном сотрудничестве с центральноазиатскими государствами. Руководитель отдела Средней Азии Института стран СНГ А. Грозин считает, что новая стратегия по Афганистану открывает перед государствами Центральной Азии следующие возможности [9]: 1) постепенный уход от критики центральноазиатских режимов в нарушении прав человека в сторону сосредоточения внимания США на реализации собственных интересов; 2) реанимация маршрута северной сети поставок через страны Центральной Азии и снижение зависимости от Пакистана.

В декабре 2017 г. президент США Д. Трамп обнародовал Стратегию национальной безопасности США. В отношении Центральной Азии акцент был сделан на борьбе с террористической угрозой и нейтрализации любого возможного доминирования в регионе [10. Р. 50]. По мнению американского эксперта К. Капчана, президент США Д. Трамп «уделяет приоритетное внимание борьбе с терроризмом не только как вопросу государственной важности, но и как основе для обеспечения своей собственной поддержки и как главному фокусу политики в области внешней и национальной безопасности» [11]. В Стратегии отмечается, что США будут содействовать экономической интеграции Центральной и Южной Азии, процветанию и укреплению экономических связей в регионе, а также будут взаимодействовать с государствами региона, с целью заручиться их поддержкой в американской контртеррористической деятельности. С этого момента обозначились приоритетные сферы деятельности США в Центральной Азии: экономическое и военно-политическое измерения.

С момента начала операции «Несокрушимая свобода» США в центр своих интересов в Центральной Азии поставили вопросы обеспечения безопасности и стабильности региона. Центральноазиатские государства выразили готовность сотрудничать с США в этом направлении, создавая систему региональной безопасности. После вывода большей части военного контингента из Афганистана в 2014 г. и закрытия американских баз в Узбекистане и Киргизии фокус внимания американской администрации сосредоточен на налаживании мирного процесса в Афганистане, в котором сегодня находится около 14 тыс. американских военных. За это время США удалось осуществить две важные стратегические цели в регионе: 1) задействовать государства Центральной Азии в перевозе военной техники и солдат в Афганистан; 2) развернуть военно-политическую деятельность в Центральной Азии, что внесло существенный вклад в сохранение суверенитета и независимости региона от

России [12]. Таким образом, с одной стороны, США при поддержке центральноазиатских республик обеспечивают региональную безопасность, а с другой стороны, действуя под лозунгом борьбы с террористической угрозой, реализовывают планы по выдавливанию интересов своих геополитических соперников.

В настоящее время ситуация в Афганистане продолжает оставаться крайне неопределенной. С 2002 г. исламистское движение «Талибан» являлось объединяющим центром для всех воинствующих группировок в регионе. В Афганистане действует около 18 террористических группировок, 14 из них талибы предоставили доступ в свою исламистскую структуру в обмен на людские ресурсы и новый опыт [13]. Следовательно, краеугольным камнем является вопрос о налаживании переговорного процесса с движением талибов и их гарантии относительно готовности начать реализовывать мирный процесс в Афганистане. В противном случае могут начаться деструктивные процессы не только регионального, но и мирового масштаба. В Афганистане действуют такие террористические группировки, как Союз исламского джихада, Исламское движение Восточного Туркестана и другие радикальные исламистские группировки, целью которых являются государства Центральной Азии. Первый шаг на пути к мирному соглашению был сделан в январе 2019 г., когда США и движение «Талибан» подписали рамочное соглашение, в соответствии с которым талибы взяли на себя обязательства ликвидировать деятельность террористических группировок в Афганистане и заключить перемирие с официальными властями. Ближайшее будущее Афганистана и Центральной Азии будет зависеть от того, насколько сумеет радикальное исламистское движение «Талибан» сдержать свое обещание. При этом стоит заметить, что в конце 2018 г. американский Центр по превентивным мерам при Совете по международным делам подготовил исследование, в котором отмечаются наиболее опасные международные угрозы для национальной безопасности США в 2019 г., классифицированные по трем уровням опасностей [14]. Афганистан вошел в первый высокий уровень опасности. По словам экспертов, там отмечается растущая угроза внутривластной нестабильности. В исследовании также сделан акцент на нерешительности администрации Д. Трампа принимать участие в дорогостоящих военных кампаниях по урегулированию международных кризисов.

США пообещали, что если мирное соглашение с талибами будет достигнуто, то они выведут свои оставшиеся войска из страны. В связи с этим в экспертном американском сообществе возник дискурс относительно будущих интересов США в регионе. Эксперты подчеркивают, что, учитывая растущее влияние России и Китая в регионе и повышение значимости Центральной Азии как главного стратегического сухопутного коридора между Европой и Азией, США должны тщательно продумать механизмы своего влияния в регионе [12]. Политика США в Центральной Азии, по мнению экспертов, должна содействовать региональному экономическому росту и политической независимости. США приветствуют со-

здание в Центральной Азии региональной организации, способной объединить все пять государств. С одной стороны, это будет способствовать консолидированному подходу к решению региональных проблем, но с другой – смогут ли центральноазиатские государства самостоятельно решать свои региональные противоречия и обеспечить собственными усилиями экономическое, инновационное и технологическое развитие.

Для улучшения социально-экономической ситуации в Афганистане США инициировали ряд масштабных проектов, среди которых можно выделить ТАПИ и CASA-1000. Данные проекты нацелены на конвергенцию Центральной и Южной Азии с целью придания экономического роста всем государствам на этом географическом пространстве. Проект ТАПИ предусматривает строительство газопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию через территорию Афганистана. Однако лоббируемый США с 1995 г. проект ТАПИ в настоящее время находится под угрозой из-за резкого обострения отношений между США и Пакистаном. Целью проекта CASA-1000 является экспорт излишков электроэнергии из стран верховья Киргизии и Таджикистана, контролирующих гидроэнергетический потенциал Центральной Азии, в Южную Азию – Афганистан и Пакистан. Американские политики считают, что данный проект позволит расширить рынок по продаже гидроэнергетических ресурсов, получить выгоду и найти эффективное решение в области рационального использования водных ресурсов региона.

Одним из механизмов американской политики в Центральной Азии является «Рамочное соглашение о торговле и инвестициях» (РСТИ), подписанное между США и пятью странами Центральной Азии в 2004 г. в Вашингтоне. Оно предусматривает создание более широких возможностей для сотрудничества между США и государствами региона. Во время встречи с президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым в мае 2018 г. президент США Д. Трамп заявил, что РСТИ может стать отличным механизмом развития торговых отношений между США и государствами Центральной Азии. Однако американский лидер отметил, что РСТИ не сможет достичь тех торгово-экономических показателей, которые наблюдаются у России и Китая с государствами региона. Тем не менее шаг на пути к укреплению делового сотрудничества между США и центральноазиатскими государствами будет сделан [15]. РСТИ отводит значительное место Афганистану и предусматривает расширение экономического сотрудничества между Афганистаном и Центральноазиатскими государствами. Еще в 2010 г. в Ташкенте во время заседания рабочей группы РСТИ со стороны Афганистана в качестве наблюдателей присутствовали представители правительства. В частности, они отметили, что в их стране удалось добиться некоторого экономического прогресса благодаря реализации крупных проектов, поддерживаемых Узбекистаном: строительство железной дороги до Мазари-Шарифа и поставка электроэнергии в Кабул. Американский стратег Зб. Бжезинский отмечал, что афганскую проблему можно решить, только

достигнув «внутриполитического соглашения между правительством в Кабуле и соперничающими группировками в рамках внешней региональной структуры, где главные соседи Афганистана будут прежде всего сами способствовать формированию стабильности в стране» [16. С. 189]. Американская администрация стремится создать в Центральной Азии действенную региональную структуру, во-первых, для решения внутренних проблем Афганистана при содействии государств Центральной Азии, которая в перспективе должна превратиться в абсолютный приоритет по сравнению с другими евразийскими интеграционными проектами, а во-вторых, способную изменить стратегический баланс сил в регионе в пользу США.

На сегодняшний день США стремятся выстроить тесные связи с государствами региона через новый формат сотрудничества «C5+1». Первая встреча такого формата состоялась в ноябре 2015 г. в Самарканде, когда шесть министров иностранных дел договорились интенсифицировать сотрудничество в трех основных измерениях, представляющих всеобщий интерес. Эти измерения включают: вопросы обеспечения региональной безопасности, развитие торгово-экономических связей внутри региона и перспективы сотрудничества с США в области торговли и инвестиций, а также экологические проблемы. По мнению А.С. Алексеенковой, первая встреча госсекретаря США и министров иностранных дел центральноазиатских государств «положила начало развитию сотрудничества в многостороннем формате и зафиксировала готовность всех стран-участниц к взаимодействию и кооперации, а также обозначила круг общерегиональных проблем, по которым может вестись многосторонний диалог» [17. С. 30]. В ходе встречи государственный секретарь США Дж. Керри отметил, что помощь США странам Центральной Азии с момента обретения ими независимости достигла 8 млрд долл. Также он подчеркнул, «что со своей стороны мы (США. – *Прим. авт.*) хотим расширить и углубить двусторонние отношения в регионе. Мы должны четко понимать, что дружба с одной страной не уменьшает возможности дружбы с другой страной. Это не игра с нулевой суммой. Каждая страна имеет право устанавливать по своему выбору отношения с другими странами; быть свободной от внешнего давления и запугивания. И это фундаментальный принцип, который приводит нас к столу переговоров» [18].

Подобное заявление государственного секретаря США демонстрировало признание Вашингтоном наличия интересов других глобальных игроков в регионе и готовность активизировать свою центральноазиатскую политику под влиянием геополитических импульсов. Ключевым элементом заявления американского государственного секретаря был отказ от прежнего подхода «игры с нулевой суммой», используемого Вашингтоном в борьбе за влияние на постсоветском пространстве. В случае с Украиной этот подход показал свою несостоятельность, так как, разорвав всевозможные политические, экономические, социальные связи с Россией в обмен на призрачное перспективное сотрудничество

с Западом и нарушив национальное равновесие в стране Киев, столкнулся с проблемой постоянно тлеющей гражданской войны.

В августе 2016 г. в Вашингтоне состоялась очередная встреча министров в формате «C5+1», на которой было решено начать реализацию пяти проектов, финансируемых США, по трем ключевым измерениям. Речь идет о контртеррористическом проекте под эгидой Института мира США, о проекте конкурентоспособного бизнеса в Центральной Азии, проекте по развитию транспортных коридоров, проекте «Энергия будущего», проекте поддержки национального и регионального планирования в области адаптации. Последние четыре проекта призвано реализовать Агентству США по международному развитию (ЮСАИД). Предполагаемая сумма финансирования проектов составила 15 млн долл. [19].

Новый импульс развития многостороннего формата «C5+1» был дан в сентябре 2017 г. в Нью-Йорке, когда государственный секретарь США Рекс Тиллерсон и министры иностранных дел центральноазиатских государств договорились активизировать региональное сотрудничество и объединить усилия по содействию экономического развития в Афганистане.

В 2018 г. во время официальной встречи в Вашингтоне президент США Д. Трамп и президент Казахстана Н. Назарбаев в центр обсуждаемых вопросов поставили вопросы региональной безопасности, экономического сотрудничества, укрепления стратегического партнерства по этим направлениям. По итогам встречи было подписано 20 коммерческих документов, общая сумма на реализацию которых составила 7 млрд долл. Например, среди подписанных договоров можно выделить договор о поставках 6 новых самолетов Boeing-737 MAX 8 и трех Boeing-787 Dreamliner; два соглашения на поставку и сервисное обслуживание американских маневровых тепловозов и пассажирских локомотивов; договор с биржей Nasdaq и компанией Goldman Sachs о сотрудничестве в деятельности международного финансового центра Астана (МФЦА) с создаваемым судом на базе английского права [20].

Вопросы региональной безопасности и экономического сотрудничества были в фокусе внимания во время встречи президента США Д. Трампа и президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Белом доме в мае 2018 г. В ходе встречи американский президент выразил приверженность США поддержке регионального сотрудничества посредством формата «C5+1». Оба лидера выразили интерес к углублению экономического сотрудничества, стимулированию роста торговли и созданию новых рабочих мест в обоих государствах. Между узбекскими и американскими компаниями было подписано более 20 контрактов на сумму 4,8 млрд долл. Лидеры США и Узбекистана договорились изучить возможности для углубления сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики, химии, финансов, туризма, текстильной промышленности, здравоохранения и цифровых технологий [21].

Встречи американского президента с президентами Казахстана и Узбекистана показали, что основным приоритетом политики США в Центральной Азии

становится принцип «business comes first» [22. С. 5]. Следовательно, курс, взятый американской администрацией в 1990-е гг. на продвижение либеральных ценностей, развитие демократических институтов в странах Центральной Азии, в президентство Д. Трампа уступит место экономическому прагматизму во внешней политике США.

Маловероятно, что в ближайшем будущем США покинут регион, особенно после заключения договоренностей с движением «Талибан», или этот уход приобретет затяжной характер. США ставят задачу консолидации государств Центральной Азии с целью получить более упрощенный контроль над регионом. Формат «C5+1» усиливает присутствие США в Центральной Азии и повышает их роль в решении важных региональных проблем. Благодаря более тесному сотрудничеству с государствами региона США надеются постепенно занять доминирующее положение в Центральной Азии, вытеснив из региона влияние Китая и России. Формат «C5+1» будет существовать до тех пор, пока США будут спонсировать разработанные в его рамках различные проекты и призывать центральноазиатские государства играть более активную роль в решении региональных проблем.

В президентство Д. Трампа Центральная Азия не является одним из ведущих направлений внешней политики США [22], тем не менее интересы, сформировавшиеся в отношении республик еще в 1990-е гг., предполагают американское присутствие в регионе. За последние несколько лет США реализуют здесь свои геополитические амбиции с одной-единственной разницей: либо этот процесс проходит динамично, либо немного пробуксовывает. В данный момент у США меньше шансов на то, чтобы стать значимым

геополитическим и экономическим игроком в Центральной Азии.

Таким образом, внешняя политика США на центральноазиатском направлении в президентство Д. Трампа будет исходить из стремления американской администрации оказывать влияние на политические процессы в Центральной Азии на фоне растущего влияния Китая и России. Фокус американских интересов в регионе будет сосредоточен вокруг следующих сфер сотрудничества: 1) региональная стабильность и безопасность; 2) торгово-экономические отношения; 3) содействие региональной интеграции. Для эффективной кооперации по этим ключевым направлениям уже создан механизм взаимного сотрудничества – формат «C5+1». В случае эскалации напряженности в Афганистане США будут лоббировать вопрос о более сильной поддержке со стороны центральноазиатских государств и возможности открытия военных баз на их территориях с целью обеспечения региональной безопасности. Учитывая заявления бывшего американского государственного секретаря Дж. Керри о трансформации американского мышления, т.е. от логики «игры с нулевой суммой» к логике «игры с не нулевой суммой», можно предположить, что такой подход поможет заложить основу для будущего диалога между геополитическими игроками в Центральной Азии. Развитие такого сценария представляется маловероятным, но не является исключением. На современном этапе четко прослеживается отход американской администрации от обвинений центральноазиатских государств в нарушении прав человека в сторону более активного налаживания политического и экономического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкина Е.Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 19–34.
2. Шенин С.Ю. Текущая политика США в Центральной Азии: группы интересов и возможности для консенсуса // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 76–95.
3. Вайс Р. Трамп хочет втянуть Россию в союз против Китая. URL: <http://eurasia.expert/amerikanskiy-analitik-tramp-khochet-vtyanut-rossiyu-v-soyuz-protiv-kitaya/> (дата обращения: 08.01.2019).
4. Позен Б. Возникновение нелиберальной гегемонии // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. Июль–Август. С. 80–96.
5. Ключевые принципы внешней политики Трампа: мнение экспертов. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3590436.html> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Yarhi-Milo K. After Credibility. American Foreign Policy in the Trump Era // Foreign Affairs. 2018. January-February. P. 68–77.
7. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на встрече с главами дипломатических миссий и представителями международных организаций, аккредитованных в Казахстане. URL: <http://www.akorda.kz> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Новая афганская стратегия Трампа: чего ждут в Центральной Азии. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 15.01.2019).
9. Что ждать ЦА от новой стратегии Трампа в Афганистане? URL: <https://centre1.com/world/chto-zhdat-tsa-ot-novoj-strategii-trampa-v-afganistane/> (дата обращения: 18.01.2019).
10. National Security Strategy of the USA. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).
11. Капчан К. США и Центральная Азия: прошлые и нынешние приоритеты. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-i-tsentrlnaya-aziya/> (дата обращения: 25.01.2019).
12. Central Asia Is a Critical Crossroads. The Trump administration must keep the U.S. a player in the region. URL: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-03-30/donald-trump-administration-should-focus-us-attention-on-central-asia> (дата обращения: 04.02.2019).
13. Bacon T. Is the Taliban Making a Pledge It Cannot Keep? URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2019-02-21/taliban-making-pledge-it-cannot-keep> (дата обращения: 04.02.2019).
14. Preventive Priorities Survey 2019. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Preventative%20Priorities%20CFR%202019.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
15. Central Asia in 2018: What's the Future of the C5+1? URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/central-asia-in-2018-whats-the-future-of-the-c51/> (дата обращения: 15.02.2019).
16. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012. С. 285.
17. Алексеенкова А.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41.

18. Pluses and minuses of the C5+1 format. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13300-pluses-and-minuses-of-the-c5%201-format.html> (дата обращения: 18.02.2019).
19. C5+1 Fact Sheet. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274386.htm> (дата обращения: 18.02.2019).
20. Визит Назарбаева в США: что (не) осталось за кадром. URL: <https://amp.dw.com/ru/визит-назарбаева-в-сша-что-не-осталось-за-кадром/a-42219261> (дата обращения: 24.02.2019).
21. О чем говорили Шавкат Мирзиёев и Дональд Трамп? URL: <https://anhor.uz/news/o-chem-govorili-shavkat-mirziyoev-i-donaldy-d-tramp> (дата обращения: 29.02.2019).
22. Гегелашвили Н.А., Модникова И.В. Некоторые особенности внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 июля 2019 г.

Donald Trump's Foreign Policy Priorities in Central Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 97–103.

DOI: 10.17223/15617793/455/14

Elena G. Garbuzarova, Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: play_elenag@mail.ru

Keywords: Central Asian states; USA; Donald Trump; Afghanistan; C5+1; TAPI; CASA-1000; regional cooperation.

The article is devoted to the US foreign policy in Central Asia, the priorities of which are determined by the Donald Trump administration. Since the collapse of the Soviet Union, Central Asia has been at the center of American foreign policy interests. The United States assisted the Central Asian republics in developing democratic institutions, building civil society, and protecting and promoting human rights. Against the background of the growing influence of Russia and China in the region, Central Asia began to acquire strategic importance for the USA administration. Since 2001 the United States has intensified its activities in Central Asia creating tools for its long-term presence in the region. With Trump's coming to power in the USA, many experts believe that Central Asia will remain without attention from the new American leadership. Such conclusions are based on the model of the American foreign policy that is typical for the Donald Trump administration. It is an isolationist foreign policy model which does not prevent the United States from strengthening its strategic positions in Central Asia. Whoever comes to power in the USA, the policy of playing a more active role in the region will remain as well as Washington's desire to restrain other powers in their desire to gain a foothold in the region. In recent years, the United States has been developing various projects to unite Afghanistan and the Central Asian states into a single space stimulating their common economic development. However, due to economic and sociocultural differences between Afghanistan and the Central Asian states, these projects do not have long-term prospects. The author concludes that the Donald Trump administration has adjusted its interests around two key issues that have been put at the forefront in the framework of cooperation between the United States and the Central Asian states. The emphasis is placed on the development of cooperation in the field of security and the strengthening of economy. Trump's meetings with the presidents of the Central Asian republics at the official levels show that the interests of the United States are clearly pragmatic. Criticism of the Central Asian states in violation of human rights and disregard for democratic ideals gave way to the development of economic and political relations between the United States and the countries of Central Asia. In Trump's presidency, the configuration of the main priorities of the US policy in Central Asia will include issues of regional stability and security, trade and economic relations, and the promotion of regional integration.

REFERENCES

1. Anashkina, E.B. (2015) Rol' postsovetского prostranstva vo vneshney politiki SShA [The Role of the Post-Soviet Space in US Foreign Policy]. *SShA & Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 6. pp. 19–34.
2. Shenin, S.Yu. (2017) Tekushchaya politika SShA v Tsentral'noy Azii: gruppy interesov i vozmozhnosti dlya konsensusa [US Current Policy in Central Asia: Interest Groups and Opportunities for Consensus]. *SShA & Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 12. pp. 76–95.
3. Weitz, R. (2016) *Trump khochet vtyanut' Rossiyu v soyuz protiv Kitaya* [Trump Wants to Drag Russia Into an Alliance Against China]. [Online] Available from: <http://eurasia.expert/amerikanskiy-analitik-trump-khochet-vtyanut-rossiyu-v-soyuz-protiv-kitaya/>. (Accessed: 08.01.2019).
4. Posen, B. (2018) Vozniknovenie neliberal'noy gegemonii [The Emergence of Illiberal Hegemony]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. pp. 80–96.
5. VOA. (2016) *Klyuchevye printsipy vneshney politiki Trampa: mnenie ekspertov* [Key Principles of Trump's Foreign Policy: Expert Opinion]. [Online] Available from: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3590436.html>. (Accessed: 14.01.2019).
6. Yarhi-Milo, K. (2018) After Credibility. American Foreign Policy in the Trump Era. *Foreign Affairs*. January–February. pp. 68–77.
7. Official Site of the President of the Republic of Kazakhstan. (2017) *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan Nursultana Nazarbaeva na vstreche s glavami diplomaticheskikh missiy i predstavitel'stv mezhdunarodnykh organizatsiy, akkreditovannykh v Kazakhstane* [Speech by President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at a Meeting With Heads of Diplomatic Missions and Representative Offices of International Organizations Accredited in Kazakhstan]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-vstreche-s-glavami-diplomaticheskikh-missii-i-predstavitelstv-mezhdunarodno. (Accessed: 15.01.2019).
8. DW. (2017) *Novaya afganskaya strategiya Trampa: chego zhdat v Tsentral'noy Azii* [The New Afghan Trump Strategy: What Central Asia Expects]. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru>. (Accessed: 15.01.2019).
9. Tsentrl. (2017) *Chto zhdet' TsA ot novoy strategii Trampa v Afganistane?* [What Can CA Expect From Trump's New Strategy in Afghanistan?]. [Online] Available from: <https://centrl.com/world/chto-zhdet-tsa-ot-novoy-strategii-trampa-v-afganistane/>. (Accessed: 18.01.2019).
10. USA. (2017) *National Security Strategy of the USA*. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. P. 50. (Accessed: 25.01.2019).
11. Kupchan, C. (2017) *SShA i Tsentral'naya Aziya: proshlye i nyneshnie priority* [USA and Central Asia: Past and Current Priorities]. [Online] Available from: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-i-tsentralnaya-aziya/>. (Accessed: 25.01.2019).
12. U.S. News. (2017) *Central Asia Is a Critical Crossroads. The Trump administration must keep the U.S. a player in the region*. [Online] Available from: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-03-30/donald-trump-administration-should-focus-us-attention-on-central-asia>. (Accessed: 04.02.2019).
13. Bacon, T. (2019) *Is the Taliban Making a Pledge It Cannot Keep?* [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2019-02-21/taliban-making-pledge-it-cannot-keep>. (Accessed: 04.02.2019).
14. Council on Foreign Relations. (2019) *Preventive Priorities Survey 2019*. [Online] Available from: <http://www.responsibilitytoprotect.org/files/Preventative%20Priorities%20CFR%202019.pdf>. (Accessed: 10.02.2019).

15. Sanchez, W.A. (2018) *Central Asia in 2018: What's the Future of the C5+1?* [Online] Available from: <https://www.geopoliticalmonitor.com/central-asia-in-2018-whats-the-future-of-the-c51/>. (Accessed: 15.02.2019).
16. Brzezinski, Zb. (2012) *Strategicheskiy vzglyad: Amerika i global'nyy krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power]. Translated from English by M. Desyatova. Moscow: AST.
17. Alekseenkova, A.S. (2017) Sravnitel'nyy analiz deyatel'nosti sozdannykh v Tsentral'noy Azii formatov "5+1" (s uchastiem SShA, Yuzhnoy Korei, Yaponii i ES) [A Comparative Analysis of the Activities of the C5+1 Formats Created in Central Asia (With the Participation of the USA, South Korea, Japan, and the EU)]. *Mezhdunarodnaya analitika – International Analytics*. 1 (19). pp. 29–41.
18. Tolipov, F. (2015) *Pluses and minuses of the C5+1 format*. [Online] Available from: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13300-pluses-and-minuses-of-the-c5%201-format.html>. (Accessed: 18.02.2019).
19. U.S. Department of State. (2017) *C5+1 Fact Sheet*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/09/274386.htm>. (Accessed: 18.02.2019).
20. DW. (2018) *Vizit Nazarbaeva v SShA: chto (ne) ostalos' za kadrom* [Nazarbayev's Visit to the USA: What Was (Not) Offscreen]. [Online] Available from: <https://amp.dw.com/ru/визит-назарбаева-в-сша-что-не-осталось-за-кадром/a-42219261>. (Accessed: 24.02.2019).
21. Anhor.uz. (2018) O chem govorili Shavkat Mirziyev i Donal'd Tramp? [What Did Shavkat Mirziyoyev and Donald Trump Talk About?]. [Online] Available from: <https://anhor.uz/news/o-chem-govorili-shavkat-mirziyoev-i-donalyd-tramp>. (Accessed: 29.02.2019).
22. Gegelashvili, N.A. & Modnikova, I.V. (2017) Some peculiarities of the Trump administration. *Rossiya i Amerika v XXI v. – Russia and America in the 21st Century*. 1. (In Russian). DOI: 10.18254/S207054760004895-1

Received: 01 July 2019